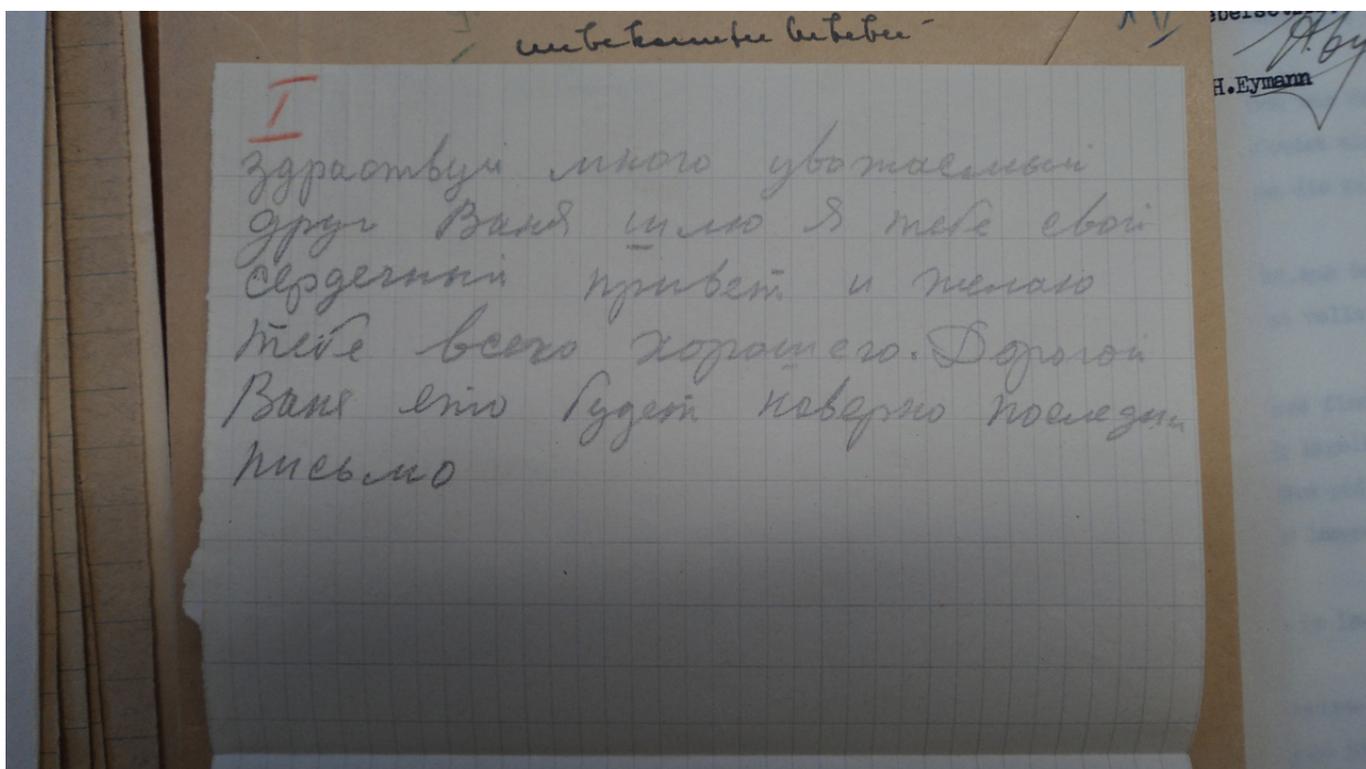

История солдата. Часть 2 | L'histoire du soldat. 2ème partie

Author: Иван Грезин, [Базель](#), 09.05.2018.

Вероятно, последняя записка Федора Пшеничникова. (Archives fédérales suisses, Berne)

Мы продолжаем [начатый вчера рассказ](#) о судьбе солдата Великой Отечественной войны Федора Пшеничникова, не недавних пор остававшейся неизвестной.

Voici la suite du [récit sur le destin](#) du soldat Fédor Pchenitchnikov, inconnue jusqu'à maintenant.

L'histoire du soldat. 2ème partie

На чем основывались страхи Федора Васильевича, становится ясным из писем,

сохранившихся в деле Федерального архива в Берне. Некто Владимир Ананич (на конвертах писем и в следственном деле его фамилия воспроизводилась как «Ananicz», а подлинное написание кириллицей нам неизвестно), бывший товарищ Пшеничникова по лагерю в Зигене, переведенный к марту 1946-го в лагерь в Вешнау-Шененверд в кантоне Золотурн, между Аарау и Ольтенем, писал Федору в больницу как минимум два раза. Несмотря на располагающий, приятельский тон писем, Ананич обращался к Пшеничникову строго на «Вы» и письма не содержали никаких фамильярностей. При этом Ананич был посвящен в самые сокровенные мысли Федора и всячески успокаивал того относительно будущего интернированных. Вот, например, письмо от 25 марта, из которого становилось ясно, чего именно страшился Пшеничников, и не только он (орфография и пунктуация исправлены): «Вы должны выбить себе из головы эти мысли, что нас будут отправлять в Советский Союз. Этого никогда с нами не будет, и Ваше беспокойство по этому поводу совсем излишнее и неуместное. Международный Красный Крест хлопочет насчет беженцев для выезда куда-нибудь, но это дело, конечно, не так скоро можно устроить». Ананич понимал, что «в Швейцарии мы не имеем права остаться, но для нас найдут место, куда мы сможем уехать».

В письме он комментировал также свежую политическую новость: Швейцария только что установила дипломатические отношения с Советским Союзом, но, как – весьма наивно! –полагал Ананич, «это для нас нисколько не имеет значения». Чуть раньше, 19 марта, Ананич писал, что шестеро из их лагеря были отправлены в Россию, «так как они являются ворами и сидели в тюрьме за воровство». Был ли их отъезд добровольным или добровольно-принудительным, не уточнялось. А вот некий Осипов, с кем Пшеничников был явно знаком, «куда-то сбежал»; другой интернированный, Смирнов, «тоже куда-то уехал в самоволку». Корреспондент Федора Васильевича всячески подчеркивал эту лагерную вольницу и заверял, что тех, кто уезжать не хотел, в Россию «не имели намерения отправлять».

Ich schreibe. (Uebersetzer: Der Brief ist unterbrochen)
aber wenigstens, dieser Brief wird wahrscheinlich der letzte Brief sein, welcher ich
an meine herzlichsten Gräse und Verwandten schreiben werde.

H. P. Posten Bern
K. P., den 2. 4. 1846

II

Höchstens 25. 8. 46.

Mein hochachtungsvoller
Gruß den Eltern!

Ich sende Ihnen ein Buch, für
das ich Ihnen herzlich dankbar
bin. Ich hoffe, es wird Ihnen
zu Nutzen sein.

Ich bin in der Hoffnung, dass
ich Sie bald wieder in der
Stadt sehen werde; - in der
Hoffnung, dass Sie bald
nach Hause kommen werden;
und dass Sie bald wieder
zu Hause sein werden. Ich
hoffe, Sie werden bald wieder
zu Hause sein. Ich hoffe,
dass Sie bald wieder zu Hause
sein werden.

Письмо Владимира Ананьича к Федору Пшеничникову от 25 марта 1946 года.
(Archives fédérales suisses, Berne)

Другой корреспондент Федора Васильевича из того же лагеря в Вешнау, Иван Демков, был куда более прост и откровенен, но и он заверял, что никакой насильственной отправки на родину не будет. А даже если и будет, то десять лет лагерей в СССР не так страшны, как добровольное лишение себя жизни. В письме без даты, но тоже от марта 1946-го, Иван Демков радовался, что первая попытка самоубийства Федора не была удачной (орфография и пунктуация опять же исправлены): «... Я очень рад, что много не порезал, потому что нет никакого основания кончать жизнь самоубийством. Тогда, когда будут отправлять, по твоему неправильному мнению, и то трудно наложить на себя руки, ведь я тебе говорил, что по десять лет люди сидели и, отбывши срок, приходили домой. Как ни трудно переживать, а все-таки жить хочется». И далее: «...Ты кругом неправ, никто никуда никого не отправит и не думает отправлять. Брось все из головы дурацкие мысли, скорее поправляйся и приезжай в лагерь».

ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ
ИОАННА

LA MAISON DE LA BIBLE
11, rue de Rive
GENÈVE

Евангелие от Иоанна, принадлежавшее Федору Пшеничникову. (Archives fédérales suisses, Berne)

На первом письме даты нет, второе же письмо Демкова помечено 4 апреля. Неизвестно, с какой скоростью работала швейцарская военная почта и успел ли получить его адресат. Демков обратил внимание на «прощай» вместо «до свидания» в письме Пшеничникова и понял, что новая попытка самоубийства не за горами. Простодушный Демков объяснял расстройство нервов у своего товарища действием вина, которым Федор Васильевич, видимо, в последние месяцы злоупотреблял. При этом он понимал, что тот обречен и письмо, может быть, даже и не дойдет: «...если бы ты сказал, что хочешь порезаться, то можно было бы и подследить и уговорить тебя и доказать твою неправоту, но теперь, конечно, уже поздно». Жизненная философия Демкова была проста и трезва: «... будем жить, как жили и живем до сих пор, а когда придет время умирать своей смертью, то тогда успеем належаться в могиле». В СССР он вообще-то тоже не стремился: «Мы не поехали в Советский Союз почему? Потому что плохо будет там, мы хотим еще жить дальше ... А раз мы хотим жить, так зачем же будем кончать самоубийством?».

Schweizerische
Eidgenossenschaft

Kanton Bern

19
Todesschein

37
Form. B
A m t l i c h

Auszug aus dem Todesregister
des Zivilstandskreises Langnau i.E.

Band XIV, Seite 75, Nr. 61.

Am	siebenten	April	tausend neun	hundert sechsundvierzig
		am	fünfzehn	Uhr null
				Minuten
ist gestorben zu	Langnau i.E.,	im Bezirksspital,		
		Paschenitschnikow	Fedor,	
		von russischer	Staatsangehöriger,	Soldat
		Internierter im	Arbeitslager	Siehen-Eggiwil,
		sonst	wohnhaft in	Moskau, Mantulinst-Kaja 6,
			geboren den	11. Oktober
				1902,
Sohn	des	Paschenitschnikow	Wassili,	
und der		Drujewa	
Zivilstand:	Ehemann	der	Praskowia	Paschenitschnikowa.

Für richtigen Auszug:

Langnau i.E., den 10. April 1946.

Der Zivilstandsbeamte i.V.:

H. Schmid

Свидетельство о смерти Федора Пшеничникова. (Archives fédérales suisses, Berne)

Именно Демкову, скорее всего, должно было быть адресовано прощальное письмо Федора Васильевича, оставшееся незаконченным и неотправленным: «Здравствуй, многоуважаемый друг Ваня, шлю я тебе свой сердечный привет и желаю тебе всего хорошего. Дорогой Ваня, это будет, наверное, последнее письмо». И все.

К Пшеничникову в больницу раза три приезжал православный священник из Берна, швейцарец по происхождению, иеромонах Ферапонт (Хюммерих, 1900–1988), знавший Федора с декабря 1945-го. Среди личных вещей Федора Васильевича было и Евангелие от Иоанна, напечатанное женевским «Домом Библии» и сохранившееся до настоящего времени в архивном деле; вероятно, его как раз и передавал о. Ферапонт. Солдат много беседовал со священником и, возможно, исповедовался. В своих показаниях следственной комиссии о. Ферапонт также вспоминал о страхе, который испытывал его собеседник перед возможной высылкой в СССР. Любое действие властей, простой перевод из одного лагеря в другой тот воспринимал как подготовку к будущей высылке. Священник всячески пытался отговорить Федора от мыслей о самоубийстве, но не смог... Заверяя своего подопечного, что никакая высылка никому не грозит, священник всячески хлопотал о том, чтобы Пшеничников как можно дольше не возвращался в лагерь, ибо господствовавшая там атмосфера страха (в Вешнау за восемь дней до трагедии с Пшеничниковым покончили с собой два брата-азербайджанца Алиевы) могла только навредить Федору, который (как, увы, ошибочно виделось о. Ферапонту) начинал выходить из своего психического кризиса.

Памятник советским солдатам на кладбище Хернли в Базеле с фамилией Пшеничникова. (И. Грезин/Nashagazeta.ch)

Дело о смерти было закрыто. Закрыта была и история интернированных. Те, кто

хотел, вернулись. Те, кто не хотел, в подавляющем большинстве вернулись тоже. История русского солдата, одного из сотен, кто оказался в Швейцарии во время Второй мировой войны, также завершилась. Он предпочел остаться в Швейцарии навеки. Он воевал; сражался за Москву, за город, где его не дождалась жена и дочери, где до сих пор живут его внуки. И как бы трагически ни закончилась его жизнь, память о нем жива, и не только в имени на памятнике-кенотафе на базельском кладбище Хернли.

[Женева](#)

Статьи по теме

[История солдата. Часть 1](#)

Source URL: <http://nashgazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/istoriya-soldata-chast-2>